

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Романтика похоти. Т. 3 гл. 5 ч. 1 поездка миссис Дейл в Лондон

Романтика похоти. Т. 3 гл. 5 ч. 1

Мистер Браунлоу, миссис Дейл и её сын Гарри: поездка в Лондон.

И мистер Браунлоу и Гарри Дейл преуспели в исполнении своих желаний. Каждый из них поделился со мною довольно детальным рассказом, но так как их повествования в некоторых частностях повторялись, я поведаю о том, что с ними произошло в связанном рассказе.

Дядя и миссис Дейл ехали внутри кареты, предоставленные сами себе, а Гарри ехал снаружи. Дядя начал хвалить Гарри; а затем, возвращаясь ко времени, когда того только что прислали к нему в дом, и касаясь записки, которую она отправляла с ним, спросил не без понимающей улыбки:

— Вот вы так сильно боялись прежде интимной близости между ним и вашей племянницей. Не кажется ли вам, что она вообще-то возобновлена? Я заметил, что Гарри по своём возвращении в понедельник показался изнурённым и бледным, был в тот день уныл и глуп.

Миссис Дейл кажется несколько встревожилась, выслушав это. И, вероятно, стала задумываться, а не произошло ли кое-что между кузенами, пока она была занята с Чарли. Заметив её обеспокоенность и предполагая причину, дядя сказал:

— Моя дорогая миссис Дейл, если что-то и имело место и из этого что-нибудь обнаружится, я — светский человек, и вы можете положиться на мою помощь и скромность, чтобы предпринять такие шаги, которые могут помешать свету быть об этом осведомлённым.

Она поблагодарила его и сказала:

— Буду рада принять вашу помощь, если вдруг произойдёт какой-нибудь несчастный случай. Но надеюсь, что этого не будет.

Дядя видел, что её страхи держат её в напряжении, и потому продолжал держался этого предмета в разговоре, пока она наконец не призналась:

— Боюсь, именно это, возможно, и произошло во время одного из его появлений, поскольку я имела глупость подумать, что всякая мысль об этом уже покинула их головы. А наверно следовало бы предпринять все возможные на этот случай предосторожности.

— Ясно, моя дорогая мадам, мои услуги в случае любой надобности в вашем распоряжении. Знайте, что я вовсе не такой уж пуританин, каким обязан казаться в своём положении. И могу с уверенностью сказать, что мой опыт в состоянии отыскать лучший способ замять скандал, если таковой вдруг произойдёт.

Миссис Дейл рассыпалась в благодарности, а доктор принимает более теплый тон в своей беседе и говорит:

— Я готов сделать всё, что угодно для такой женщины, как вы, которая меня давно восхищает и которая вызывает у меня сильное желание... Да, да, я не оговорился, моя дорогая мадам! Хотя я служу в церкви, кое-что от славного Адама мне всё же не чуждо, и взирая на ту, кто столь очаровал меня, как это сделали вы, дотрагиваясь до вас, я снова превращаюсь в молодого человека.

Тут его рука скользит за её прелестно тонкую талию. Он привлекает её к себе, и она с некоторой скромностью и словами отказа уступает свои губы его поцелуям. Другая его рука, задрав ей юбки, устремляется в розыски её влагилица. Опять сопротивление и рукой и словами, но и тут уступка, и доктор вскоре становится обладателем её влагилица.

— Как же там восхитительно!

Обнаружив её большой и прекрасный клитор в уже твёрдом состоянии, он понял, что её страсти возбуждены. Поэтому, раздвинув ей ноги, он опустился между ними на колени, а поскольку уже ранее расстегнул свои брюки, когда занимался её влагилицем, то ему остаётся только вытащить свой дрекол, сразу же принявший вертикальное положение, и быстро утвердить его в ней по самую рукоятку.

— Я не могу позволить вам! — до самого последнего момента заявляла леди.

Но едва только почувствовала, как докторский дрекол заработал в ней, как её жопа стала превосходно извиваться. И тогда она обнимает его и секундирует ему, целуясь с ним и языком как бы сигнализируя, что разделяет его сердечное желание. И вскоре, к большому взаимному удовлетворению, кризис приводит их к восторженному концу.

Разумеется, после этого не может быть никаких трудностей в принятии мер для удобной встрече в Лондоне.

— И на самом деле, почему бы нам не снять жильё в одном доме и не иметь смежные апартаменты?

По их прибытию в город они останавливаются в одном из небольших домов с меблированными комнатами на Норфолк-стрит, в Стренде, и были счастливы обнаружить вакантные спальни на первом этаже. Дом оказывается сдвоенным, или скорее из двух зданий, смотрящих друг на друга. Спальня доктора была спереди, и дверь, когда-то связывавшая её с задним помещением, была заперта на ключ с одной стороны и на засов с другой. Миссис Дейл взяла заднюю комнату, за которой находилась маленькая комната с кроватью, где был поселён Гарри.

У доктора был таким образом свободный доступ, если леди захочет вытащить болт на своей стороне. После консультации об этом, они приходят к мысли, что всё-таки более желателен её приход в комнату доктора, так чтобы Гарри не имел бы никакой возможности слышать какие-либо любовные восклицания, которые могли бы случиться в разгар их амурных увеселений. Конечно, доктор всё знал об огромном желании Гарри и его намерении так или иначе осуществить это желание в Лондоне, а потому сообщает ему:

— Я намерен поймать миссис Дейл, если она придёт ко мне этой ночью, а потому прошу вас отсрочить свою попытку до окончания моей премьеры. Потерпите одну ночь, а потом я помогу вам, как сумею.

Коварный доктор явно намеривался, если Гарри преуспее, стать в будущем их компаньоном в кровосмесительном общении.

Миссис Дейл запирает своего сына после того, как он удаляется спать в свою постель. А Гарри от нечего делать рассматривает старомодный замок в двери: вворачивается он внутрь двери, а рядом находится медный желоб для его задвижки, который однако не закреплён, как это теперь принято, шипом намертво. Гарри улыбается, в голову приходит мысль: а не помешать ли матери, ведь теперь это сделать легко. Но вспомнив своё обещание доктору ни чего не предпринимать этой ночью, ложится спать и спит беспробудно.

На следующий день он достаёт себе отвёртку и маленькую склянку оливкового масла. И когда мама оказывается занятой картами, он проскальзывает наверх и легко отвинчивает медный приёмник задвижки, смазывает винты и принимается закручивать и выкручивать их, пока они не начинают ходить свободно, а затем возвращает на прежнее место желоб. И так, теперь он чувствует себя свободным входить в комнату мамы всякий раз, когда ему

понравится. Тем более что доктор объяснил ему:

— Когда гамаюширование и ебля приведут твою маму в состояние большого возбуждения, то раз она не будет иметь возможности удовлетворить свои страсти, ей будет всё равно, лишь бы только быть выебанной, неважно каким уколом. С этой целью я продержит её у себя до рассвета.

Ночью Гарри наблюдает через ключевое отверстие, и когда видит, как его мать уходит в комнату доктора, то сразу же отвинчивает жалоб, отодвигает задвижку и ввёртывает назад жалоб. Таким образом всё готово на любой случай, и если мать удивится его входу, он сможет сказать, что нашёл дверь открытой и что она, должно быть, забыла запереть её.

Подготовленный таким образом, Гарри ложится спать и спит опять беспробудно. Около семи часов он пробуждается и, малость приоткрыв дверь, может видеть на противоположной стороне открытую дверь и свет в комнате доктора, — значит, мама всё ещё не покинула его. Гарри натягивает шерстяные носки и, присев на корточки и время от времени заглядывая на то, что высвечивается через ключевое отверстие, ожидает возвращения своей мамы, которое и происходит довольно скоро.

Выключенный свет и закрытая дверь подсказывают ему, что она возвратилась в свою собственную комнату. Он слышит, как она уселась на горшке и с какой силой извергается туда поток воды. «Ну и здорова же моя мама ссать!» Затем до него доносится её беспокойное ворочание и шуршание в постели. И тогда, сбросив с себя халат и носки, он открывает дверь и приближается к материнской кровати. А так как она даже не успела сомкнуть глаз, то тут же замечает его в утреннем полумраке, просвечивающем из незакрытого ставнями окна. — Гарри! Что, спрашивается, привело тебя сюда? И как ты открыл дверь?

— Я слышал ваше перемещение, дорогая мама, я не смог уснуть от холода. Встал и попробовал дверь, а она не заперта. Вы, должно быть, не защёлкнули задвижку, иначе бы я вынужден был стучать и звать вас, чтобы вы пришли ко мне и не дали замёрзнуть от холода. А теперь я хочу, чтобы вы позволили мне согреться в вашей добротной тёплой постели и чтобы вы обняли вашего бедного Гарри! Вы же не будете против, дорогая мама?

— Если ты будешь вести себя спокойно и говорить тихо, ибо доктор может услышать тебя, можешь присоединиться, а если повернёшься ко мне спиной, то я согрею тебя.

Гарри не теряет времени и укладывается рядом с ней, а так как он действительно здорово замёрз и даже дрожал, то рад подчиниться её просьбе и, повернувшись к ней спиной, прижимается своей жопой к материнскому животу.

Она говорит:

— Бедный мальчик, ему действительно холодно, теперь пусть заснёт в маминых объятиях. Конечно, у него нет таких намерений. Быстро согревшись, он поворачивается лицом к маме и шепчет тем же самым тоном, который использует она:

— О, как я люблю свою красивую маму!

Прижав свой живот к её, он позволяет ей почувствовать свой укол, упёршийся ей в Венерин холм.

— Гарри! О чём ты думаешь, обнимая меня таким образом? Вы что, сэр, — не знаете, что я — ваша мать?

Одной рукой он хватается за её красивые твёрдые груди и явно приходит в полное любовное возбуждение от того, что она может чувствовать жесткий хуй, выдвигающийся против ее горы Венеры.

— Моя дорогая мама, если бы вы знали, как я люблю вас и как страстно желаю обнять ваше прекрасное тело!

— Прочь, нахальный ты мальчик! Разве тебе не ведомо, что это грех — потворствовать таким чувствам с собственной матерью? Немедленно же оставь меня!

— О, нет, мама, не могу! В самом деле! Да, вы моя мама. Но я хочу обладать вами. Какой урон может быть от возвращения туда, откуда, я явился?

Тут он переносит свою руку с её груди на роскошный холм Венеры и показывает, что означают его слова. Она по-прежнему сильно сердится (во всяком случае внешне) и пытается отпихнуть его, но он другой рукой довольно крепко удерживает её за талию.

— Перестань сейчас же, или я закричу!

Произносит это она довольно сердито, но, тем не менее, в ходе всего этого диалога не повышая голоса и продолжая возбуждённо шептать. Теперь Гарри думает о своем самом подходящем аргументе.

— Почему вы прилагаете такие усилия, чтобы отказать мне в этом, дорогая мама? Почему бы вам не позволить мне насладиться вашей персоной точно также, как это делает Чарли. Ведь вам же это нравится.

Она вздрагивает при этом едком замечании.

— Что ты говоришь? Какой же ты порочный мальчик! И где только слышал такую нелепицу, как эта? Неужто это одно из измышлений твоего друга Чарли? И это после всей доброты, которую я проявила к нему!

— Дорогая моя мама, Чарли ни разу и рта не открывал по этому поводу. Я говорю о том, что видел собственными глазами.

— Вот как? Так скажи же мне всё прямо.

— Ладно, моя любимая мама, скажу. Вспомните ту субботнюю ночь, — первую из тех, которые Чарли и я проводили дома. После ухода на ночлег в свою комнату я вынужден был спуститься вниз в туалет, куда пошёл в чулках, но без лампы, чтобы не потревожить вас. Я возвращался обратно, когда вдруг заметил вспышку света наверху. Поднимаясь по лестнице, когда моя голова была уже на уровне верхнего этажа, я увидел, что вы идёте к комнате Чарли. Я вошёл к себе, но дверь оставил открытой, чтобы увидеть, когда вы будете возвращаться; не дождавшись этого, я потихоньку крадусь вдоль коридора, пока я не подхожу к углу, за которым дверь в комнату Чарли. Свет струится сквозь замочную скважину.

Я спокойно приближаюсь. Вы же знаете, что кровать там стоит как раз напротив двери. — - и там, моя дорогая мама, я вижу вас, посвящающую Чарли в тайны ранее неизвестных ему удовольствий. О! моя любимая матушка, вид вашего оголённых прелестей и того, каким восхитительным образом вы давали ему его первый урок любви, свёл меня с ума от желания. Как мне хотелось войти к вам и накинуться на вас, а если вы не согласитесь, то и подвергнуть вас грубому насилию! Находясь в таком состоянии, я вспомнил, что Эллен спит в вашей кровати. Я бегу туда и, сбросив с себя то немного, что было на мне, ложусь рядом с нею и принимаюсь ощупывать ее половые органы. Она просыпается и говорит: — «'Дорогая тётя, вы желаете, чтобы я сделала то же самое вам?» Её рука протягивается к моему вертикально стоящему члену, она издаёт крик удивления.

Я шепчу: «Это я, Гарри, и больше никого нет». — «О! Нет! Вам следует немедленно же оставить меня. Тётя могла только лишь пойти в туалет и вот-вот вернётся». Чтобы успокоить её и убедить в том, что нет никакого шанса вашего быстрого возвращения, я вынужден был

привести её к двери Чарльза; и мы видим, как вы, совсем обнажённая, поднимаетесь и опускаетесь на чудовищном оружии, которое у Чарльза. Я никогда прежде не видел его вертикально поднятым и едва мог поверить своим глазам; и при этом не менее замечательным было то, каким образом вы с таким очарованием принимали его в себя. Это очень возбудило Эллен, так же как и меня. Мы возвратились в вашу комнату — огонь в камине всё ещё горел. Я уложил её на коврике перед ним, и взял её девственность. Она видела, как легко чудовищная штукавина Чарли входила в вас, и почувствовала, насколько моя намного меньше, так что даже и не подумала о том, что это причинит ей боль, да и позволила она мне помиловаться не выходя за пределы губ; но когда, заставив её потечь, я внезапно стал проталкивать его через все препятствия, и дело было сделано, она издала крик, поскольку это причинило ей боль, но я закрыл дверь, и никто из вас этого не услышал. После этого я позволяю ей соснуть и ничего такого не делаю до утра.

Следующей ночью мы снова наблюдали за вашим восхитительным образом действия. Эллен была менее болезненно воспаленной, и мы несколько раз последовали вашему примеру. Она и по сей день продолжает задаваться вопросом о чудовищном размере инструмента Чарли, и удивлена, как это так легко вы его принимаете в себя. Но, ах, моя матушка, как мои страсти были возбуждены вашими великолепными прелестями! Ну разве можно сравнить Эллен с вами? Она конечно сделала немало хорошего, чтобы уменьшить мою муку от желания обладать вами, когда я знал, что вы были заняты лучшим, и не могу быть на его месте. — Но это, пожалуй, и всё. Остальное — это вы, и вы одна единственная, моя возлюбленная мать, которую я обожаю, и я дико и страстно хочу овладеть этим дорогим и великолепным влагалищем, что под моей рукой.

Миссис Дейл совершенно поражена этим подробным перечислением.

— Какой же ты омерзительный мальчишка! Как посмел следить за мной, быть шпионом за своей матерью и поставить в известность Эллен? Да и к тому же, не сомневаюсь, хвастался этим и говорил другим.

— Вовсе нет, мама! На самом-то деле Эллен и я поклялись, что никогда не поделимся с каким-либо смертным тем восхитительным зрелищем, которое мы наблюдали. Так что видите, дорогая мама, вы можете полностью доверять вашему собственному мальчику. Ах, позвольте же мне сделать это! Почувствуйте, как пульсирует моя несчастная вещица!

Здесь я должен представить вам собственный отчет Гарри о том, что там имело место.

«Я беру её за руку и почти без какого-либо сопротивления протягиваю к своему уколу, так что могу почувствовать, как её пальцы мягко сжимают его, прежде чем рука была отдернута.

— Нет нет!... Этого не может быть... Это было бы кровосмешение.

Она резко отворачивается от меня всем своим телом, так что её великолепная жопа упирается прямо мне в живот. Я просовываю свою руку вниз, сцапываю её сменку и тащу плотно на себя, а так как она всё время продолжает крутиться и вертеться, её жопа вскоре оголяется. Я не теряю ни секунды и, прежде чем она хоть чуточку утомилась, подношу сзади к её восхитительному влагалищу свой горделиво стоящий хуй, а поскольку оттуда сильно пахло из-за её недавних расходов, произведенных гамаюшированием ректора, я одним толчком погружаю его на всю глубину, пока мой живот не упирается в её ягодицы.

А другую руку одновременно опускаю с её талии к влагалищу, так что, когда она резко подалась, было, вперёд, дабы соскочить с меня, я вхожу в соприкосновение с её клитором, порядочная жёсткость коего свидетельствует, в каком на самом деле состоянии любовного

возбуждения она находится. Эта атака на клитор заставляет её также стремительно сделать ход назад, подобное движение повторяется, и полностью заглатывает меня. Я не теряю времени и перехожу к очень активным движениям туда и сюда.

— О небеса! Это уж слишком много для меня! — бормочет она. — Где взять силы противиться этому?

И со всей силой своих страстей вступает в схватку. И мы стремительно и без труда скользим по влекущему нас быстрому потоку, в конце концов прибывшему нас, полных восторженного восхищения, к тихой заводи, где мы и лежим, не разжимая объятий и со вздохами радости следим за одолевшей нас после всего этого восхитительной слабости. Её изящные внутренние сдавливания дают мне почувствовать, что её вожделение отнюдь ещё не облегчено, и сознание этого подвигает меня к новым усилиям. Притворно посопротивлявшись, мама забрасывает назад свою руку и, возложив её на моих ягодицах, ассистирует каждому моему толчку. И мне кажется, что она шепчет:

— Ещё!... Дальше!... Ну же!..

Этот приступ длится довольно долго, а мы больше им наслаждаемся. После спада, обычно следующего за приступом восторга, она поворачивается и, обняв меня, нежно говорит:

— О, моё дорогое дитя! Это очень восхитительно, но ведь и очень неправильно! Ты должен быть очень осторожными, мой дорогой Гарри, ибо, если об этом станет известно, это навсегда опозорит нас обоих.

— Мамочка моя сладенькая, не бойтесь! Разве вам приходилось видеть что-нибудь неосмотрительное в моём поведении за последние шесть недель? А ведь я безумно жаждал вас! О, поцелуйте меня, матушка моя возлюбленная!

Следует самый что ни на есть сладкий из поцелуев, наши языки встречаются, её рука блуждает вдоль моего тела и уже находит мой стоящий хуй.

— Дорогой мой, я должна поцеловать его. Он у тебя несколько более развит, чем я, возможно, ожидала, и крепок как железо.

— Но не столь уж крупный, как у Чарли, мама.

— Верно, мой дорогой; но именно твёрдость, а не размер даёт реальное удовольствие. Конечно, когда есть комбинация того и другого, как у Чарли, оба эти качества неотразимы. Тем временем я ощупываю её влагалище: её обильно развитый клитор опять твёрд.

— Мама, дорогая, какой размер у него! Эллиен говорила мне, что вы могли бы поместить его в неё.

— Ах! скверная девчонка! Выбалтывать чужие секреты!

— Не берите в голову, мама! Можно я пососу его, пока вы играете с моим?

Я переворачиваюсь на спину, а мама ложится ко мне на живот лицом к моим бёдрам. Я сосу её клитор, дрожа ей влагалище, а она сосёт мой укол, пока мы не потекли, и каждый облизывает или высасывает всю ароматную сперму, которая вытекла из другого. Мы продолжаем наши ласки, пока мой укол не являет свою готовность к новому сражению. На сей раз мама принимает меня на своем животе, и как только я заглотан, забрасывает свои ноги мне на поясницу, и, самыми что ни на есть похотливыми действиями, способствует нашему наслаждению. Её великолепная жопа вздымается в унисон со мной, наши языки сплетены, и, наконец, с невразумительными нарочито приглушёнными восклицаниями восхищения, в самом роскошном экстазе полностью удовлетворенного желания мы замираем в объятиях друг друга и долго лежим, нечувствительные ко всему вокруг. Вздрагивания от

пульсирующих сдавливаний и похотливое восхищение наверно скоро привели бы к ещё одной любовной стычке, если бы мама не зашептала:

— Продолжать дальше было бы неблагоприятно, ведь солнце уже вовсю светит, и настало время завтрака.

— Ах, если бы вы знали, как мне жаль уходить из вашего сладкого влагилица!»

И выскользнув из кровати, я склоняюсь к нему своим ртом, даю ему поцелуй любви, сосу его и играю с великолепным покрытием из густых локонов, от чего она отрывает меня с некоторым трудом.

Так заканчивается моё первое обладание моей обожаемой и великолепной матушкой. Я возвращаюсь к себе в комнату, одеваюсь и спускаюсь вниз перед нею. Доктор пользуется возможностью, чтобы сообщить мне:

— Миссис Дейл извинилась, что не сможет присоединиться ко мне следующей ночью под предлогом, что не достаточно хорошо себя чувствует. Но в действительности это всё только для того, чтобы чертовски оттянуться с в тобой целую ночь.

Ну и восхитительная же это была ночь. Она продемонстрировала и предельно применила свои чувственные страсти. Никогда прежде не получал я такого угощения. Возможно, наше возбуждение увеличивалось от сознания нашей кровной близости. Но у меня создалось впечатление, что она побилла даже роскошную докторскую жену. Ах, она была так нежна! Даже слишком. Манера её объятий, ласк и поглаживаний была неотразима. Я не могу сказать, как часто мы делали это — мы занимались этим всю ночь.

Следующей ночью, после двух поёбков, под отговоркой, что боится исчерпать меня, она вынуждает меня удалиться в мою комнату и запирает там. Ранее мне сообщил доктор, что он заручился её согласием на эту ночь, а потому попросил моего согласия ебануть её первым, чтобы её удовольствие от гамаюширования могло бы быть потом большим. Потому-то я и не стал особо противиться, когда она сказала мне, что я должен уйти к себе в кровать, обещав, что позволит мне иметь ещё одно объятие прежде чем наступит утро. Но оно было преобразовано в две изящных траты.

Следующей ночью доктор пожелал отдохнуть, поскольку он ставил целью «удивиться» моим поведением утром. Ради этого я как бы выпадаю в осадок, и когда мама засыпает, поднимаюсь будто поссать, отпираю дверь и трясу доктора, после чего возвращаюсь в кровать. Мне ещё предстояло по его просьбе произвести побольше, чем обычно, шума в заключительном экстазе, чтобы он имел время хоть немного одеться и войти с лампой. Моя мать все ещё спала. Было около четырех часов утра. Я начал ощупывать её великолепные ягодицы и, скользнув под одеяние, раздвинул её ноги — она равнодушно перевернулась на спину, я взял в губы её очаровательный клитор и скоро моё сосание придаёт ему твёрдость. Возбуждение будит её:

— Ах, я ты такой горячий и буйный! Во сне я видела, что ты меня...

Она сбрасывает с себя одежду, привлекает меня к себе на грудь, её великолепные конечности сжимают мою поясницу, а обе руки так надавливают на мои ягодицы, будто хотят скорее ввести меня в приют, так что мы легко и плавно скользим в самом что ни на есть восхитительном потоке, а в момент извержения я даю себе волю и чуть ли не реву от восторга. Сама мама слишком уж поглощена собственным наслаждением, чтобы заметить, насколько громок мой рёв. Она лежит, тяжело дыша и пульсируя на моем уколе, едва ли в состоянии ощущать что-либо вокруг себя. Её глаза закрыты, так что свет от лампы, которую несёт

входящий доктор, ей не виден. И только когда он останавливается у края кровати и делает удивлённое восклицание, она замечает его присутствие. Она издаёт крик — хотя не очень громкий — и закрывает рукой глаза. Я сваливаюсь с неё. Доктор весьма вежливо попросит прощения за своё вторжение:

— Мне послышалось, что здесь какой-то странный непонятный звук, и я забоялся, не захворали ли вы.

Тут мама пускает в ход обычный ресурс женщины — слёзы в изобилии потекли по её лицу. Доктор самым нежным образом просит её успокоиться.

— Моя дорогая мадам, — говорит он. — Я ни в коем случае не виню вас в этом. Я — светский человек и я знаю, что инцест практикуется в намного большей степени, чем вообще-то предполагается, так что, желая доказать, что он никоим образом не оскорбляет меня, могу признаться вам, что именно моя собственная мать приобщила меня к этим восхитительным тайнам. Я вижу, что этот милый мальчик выглядит ужасно напуганным тем, что я был свидетелем наслаждения, которое он, должно быть, имел. Но давайте избавим его от смущения. Разве нельзя сообщить ему, что мы также забавлялись этой восхитительной игрой? А от себя я могу добавить, что уже не раз участвовал в оргиях с больше чем одним мужчиной или женщиной, и признаюсь — ничто не дает мне больше удовольствия, чем обнять ещё не остывшего от объятий другого, особенно если я был свидетелем предыдущего сражения.

Взгляните, моя дорогая мадам, как этот дорогой инструмент стоит и как он твёрд. Разве это не доказательство того, что я говорю? И чтобы гарантировать моё молчание, милый Гарри не должен возражать против моего наслаждения вами вслед за ним и перед ним.

Сказав это, он скидывает с себя штаны и вскакивает в кровать. Его встречают невнятные увещевания моей матери:

— Что делается? И на глазах моего сына!

Я заверяю её:

— Я скорее предпочел бы видеть вас за работой, которая вам знакома, нежели какая-то иная, тем более, что эта-то явно вам нравится.

А доктор уже забрался на неё. Сомнений нет, она рада этому не меньше его. При виде этого мой петух встаёт. Я помещаю его ей в руку, и она любовно сжимает его. — Тогда я наклоняюсь и сосу один из её пузырей, — а вы знаете, как это возбуждает её, — и просовываю руку сзади доктора и, нежно пощекотав его шулята, запускаю вершник своей пятерни в его забой. Они гонят самым захватывающим образом свой круг и замирают во взаимных экстазах. Не успевает он выключиться, как я вспрыгиваю на его место и в один момент по стручки погружаюсь в это затопленное влагалище.

— О небеса! Ну разве можно? — пробует увещевать мама. — Не пора ли образумиться?

Но доктор просит её:

— Позвольте мне получить удовольствие понаблюдать за неистовством юности!

Я уверен, что в глубине сердца мама была рада, поскольку какой женщине не захочется занять в себе новый укол сразу же после того, как вынут предшествовавший ему».

— Правильно, — подтверждаю я эти слова Гарри и ссылаюсь на свой собственный опыт. — Для моей дорогой миссис Бенсона в наши давние годы самое большое наслаждение состояло в том, чтобы иметь меня в тот же самый момент, когда удалялся мистер Бенсон, она сама признавала это, ничто не могло дать её большего удовольствия.

Но вернёмся всё же к Гарри и его матери.

Во время их сражения доктор стоит рядом с ними, поглаживая его шулята и засунув в него фореитор.

— Я вижу, мадам, вы к этому относитесь довольно добродушно, — говорит он. — И это здорово. А то Гарри вот-вот выйдет, да нет уже вышел, а я, глядя на вас, кровосмесителей, возбудился до крайности, так что прошу вас, миссис Дейл, перевернуться и, опёршись на локти и колени, позволить мне вставить сзади вас. Правда, я скорее предпочёл бы, чтобы мне позволили в зад, но не думаю, что вы пока ещё хоть в какой-то степени готовы к этому. А жаль, ваша прекрасная жопа так возбуждающе двигается перед моими глазами, что мне хочется ещё...

И предлагает:

— Миссис Дейл, дайте Гарри протиснуться под вас, так чтобы вы смогла бы его гамаюшировать, а он подрочит ваш прелестный клитор.

— Вы хотите убить меня! — говорит она, но всё же подчиняется.

И принимается сосать укол Гарри, а когда он изливается ей в рот, с большим удовольствием поглощает, одновременно истекая, не дожидаясь, когда это сделает доктор. Гарри продолжает дрочить её клитор одной рукой, в то время как другой дрочит заднепроходное отверстие доктора. Получается долгая схватка, мамуля заставляет сынка дважды кончить ей в рот, в то время как сама трижды кончает под доктором прежде, чем наступает конец этой заключительной ебле.

Они долго лежат, безразличные ко всему, а когда приходят в себя, то разделяются, и он удаляется в свою собственную комнату.

Сломав таким образом лёд, остающиеся дни они проводят в самой что ни на есть рафинированном разврате.

Доктор проложил дорогу в её жопу и просит у неё позволения отыметь Гарри после того, как тот тоже поимел в жопу свою мать, в то время как сам доктор ебал ее, а в другом случае отъебал и доктора, выкрикивающего:

— Ой, ой, ой! — как будто это причинило ему боль и он теряет свою девственность.

Он выражал огромное удовлетворение, когда она позволяла ему иметь Гарри, объявляя:

— Не могу сказать, какой из двух путей самый сладостный: поиметь Гарри, или отдаться самому.

Мама заявляет:

— А иметь обе скважины, мою и вашу, заполненными одновременно, разве не было бы восхитительно?

— Попробуем, — говорит тогда доктор.

И вот, ебя стоящую на коленях маму, он предоставляет свою большую задницу Гарри и был здорово выебан.

зумеется, после столь полного посвящения, о котором нам становится известно после их возвращения домой, и после таких слушаний, переход к общим оргастическим ритуалам устраивается легко.